СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
введение. все мы — популисты?	15
І. ЧТО ПОПУЛИСТЫ ГОВОРЯТ	22
ПОНЯТЬ, ЧТО ТАКОЕ ПОПУЛИЗМ: ТУПИКИ	27
ЛОГИКА ПОПУЛИЗМА	37
ТАК КОГО ЖЕ, ПО ИХ УТВЕРЖДЕНИЮ, ПРЕДСТАВЛЯЮТ ПОПУЛИСТЫ?	44
ПОПУЛИСТСКИЕ ЛИДЕРЫ	54
ЕЩЕ РАЗ: ТАК, ЗНАЧИТ, ВСЕ МЫ ПОПУЛИСТЫ?	61
II. ЧТО ПОПУЛИСТЫ ДЕЛАЮТ, ИЛИ ПОПУЛИЗМ ВО ВЛАСТИ	65
ТРИ ПОПУЛИСТСКИХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ МЕТОДА И ИХ МОРАЛЬНОЕ ОПРАВДАНИЕ	69
ПОПУЛИЗМ ВО ВЛАСТИ — ЭТО «НЕЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ»?	74
ПОПУЛИСТСКИЕ КОНСТИТУЦИИ: ПРОТИВОРЕЧИЕ В ОПРЕДЕЛЕНИИ?	85
ТАК ЧТО ЖЕ: НАРОДУ НИКОГДА НЕЛЬЗЯ ГОВОРИТЬ «МЫ, НАРОД»?	94
ІІІ. КАК БЫТЬ С ПОПУЛИСТАМИ	. 104
ПОПУЛИСТЫ И ОБЕЩАНИЯ, КОТОРЫЕ НАРУШИЛА ДЕМОКРАТИЯ	.105
ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КРИТИКА ПОПУЛИЗМА: ТРИ ПРОБЛЕМЫ	.109

КРИЗИС ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА? СЛУЧАЙ АМЕРИКИ	115
ЕВРОПА МЕЖДУ ПОПУЛИЗМОМ И ТЕХНОКРАТИЕЙ	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. СЕМЬ ТЕЗИСОВ О ПОПУЛИЗМЕ	131
БЛАГОДАРНОСТИ	134

У слова «народ» всего лишь одно значение — «смесь». Попробуйте подставить вместо «народа» слова «число» и «смесь», и вы получите самые удивительные словосочетания — «суверенная смесь», «воля смеси» и т.д.

Поль Валери

Власть исходит от народа. Но куда она приходит?

Бертольт Брехт

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первые эта книга была опубликована летом 2016 г. С тех пор произошел ряд событий. Некоторые из них могут оказаться поучительными с точки зрения того, как следует размышлять о популизме — и как с ним бороться.

Если автор инаугурационной речи Дональда Трампа хотел создать образцовый текст для пособия по изучению популизма, это ему (или ей), несомненно, с блеском удалось. Когда слушаешь эту речь, невозможно отделаться от мысли, что США только что освободились от власти оккупантов. Президент объявил, что власть снова принадлежит народу, после свержения ненавистного, чуждого ему «истеблишмента», захватившего Вашингтон.

Все популисты, так же как и Трамп, противопоставляют «народ» коррумпированной и своекорыстной элите. Но не всякий, кто критикует власть имущих, — популист. Популиста отличает — и это основная мысль этой книги — утверждение, что он и только он представляет настоящий народ. Как объяснил нам Трамп, ему теперь принадлежит исполнительная власть, а, стало быть, народу принадлежит власть над правительством. Из этого следует, что любая оппозиция нелегитимна: если ты против Трампа — ты против народа. Это глубоко авторитарная позиция, знакомая нам по таким лидерам, как Уго Чавес, венгерский премьер-министр Виктор Орбан, объявивший себя нелибералом, и турецкий президент Реджеп Тайип Эрдоган. Трамп послал миру очень четкий сигнал о том, какую угрозу он представляет для демократии.

Чавесу нравился лозунг «Вместе с Чавесом правит народ». По иронии судьбы, такой знак равенства между народом и его верным представителем подразумевает, что популист не берет на себя никакой политической

ответственности. Трамп делает вид, что он всего лишь главный исполнитель истинной воли народа. В таком же ключе Эрдоган после переворота летом 2016 г. отреагировал на критику его намерений вернуть смертную казнь: «Значение имеет только то, что скажет мой народ». И не важно, что он уже заранее проинструктировал «свой народ», что ему говорить; не важно, что он выступает в роли единственного законного толкователя гласа народного. Любое несогласие по определению становится недемократическим. И все сдержки и противовесы — абсолютно необходимые и естественные в системе демократического разделения властей — становятся препятствием на пути осуществления народной воли.

Некоторые либералы наивно полагали, что Трамп в какой-то момент продемонстрирует четкое намерение «объединить» и «исцелить» разделенную страну. После своего избрания Трамп писал в Твиттере послания в таком духе: «Мы объединимся и победим, победим, победим!» В инаугурационной речи он говорил о «единой» и «несокрушимой» Америке. Все популисты постоянно говорят об «объединении народа». Но это всегда объединение на условиях, которые диктует народ, а иначе — берегись! Так, в мае 2016 г. Трамп заявил в одной из своих речей во время предвыборной кампании (мы еще упомянем об этом в книге): «Единственное, что важно, — это объединение народа, потому что другие люди ничего не значат». Другими словами, статус принадлежности к народу даже тех, кто со всех мыслимых юридических и моральных точек зрения является полноправными гражданами, может быть поставлен под сомнение, если они не разделяют представлений популиста о том, как именно должно осуществляться единство народа.

Всякий популист пытается объединить *свой* народ — подлинный народ, — постоянно выступая против тех, кто, с его точки зрения, не является частью «настоящей Америки», «настоящей Турции» и т.д. По-

ляризация — для популистов не проблема, а способ удержания власти. Поэтому более чем наивно полагать, что рано или поздно популисту придется «пойти на контакт с другой стороной». Конфликт исключительно полезен для популиста, пока ему удается использовать этот конфликт (особенно в неутихающих культурных войнах), чтобы раз за разом демонстрировать, что такое «настоящий народ» и насколько он могуществен.

Но не все так плохо. Я думаю, 2016-й annus horribilis преподал нам еще и несколько ценных уроков. Может показаться, что феномен, исследуемый в этой книге, будет только крепнуть; в конце концов, практически каждый день мы слышим и читаем о том, что «волна популизма захлестнула весь мир». Однако представление о глобальном тренде «антиэлитистских настроений» это отнюдь не нейтральное описание политической реальности. Популистские лидеры сами постоянно подогревают такие идеи, в дополнение к своего рода теории домино. Марин Ле Пен на собрании европейских популистов в Кобленце (Германия) в январе 2017 г. воскликнула: «2016-й был годом пробуждения англосак-сонского мира. Я уверена, что 2017-й год станет годом пробуждения народов континентальной Европы!» Найджел Фарадж, не удовольствовавшись метафорами домино и волн, заговорил сразу о «цунами» и, причудливо тасуя метафоры, восхвалял итальянских избирателей, которые отвергли конституционные реформы премьер-министра Маттео Ренци за то, что они «пальнули из базуки» по Европе.

Эти красочные и довольно-таки безвкусные образы вводят в большое заблуждение. Брекзит вовсе не дело рук одного Фараджа. Чтобы добиться «выхода», он нуждался в союзниках из числа тори, таких как Борис Джонсон и Майкл Гоув, — причем в Гоуве, пожалуй, больше всех остальных. Все-таки Джонсон всегда считался несколько эксцентричным политиком; Гоув же выглядел интеллектуалом-тяжеловесом в правитель-

стве (он был министром образования и министром юстиции). Когда Гоув заявил, что граждане не должны верить экспертам, это прозвучало веско — ведь Гоув сам был экспертом. Еще важнее то, что Брекзит стал не просто результатом стихийных антиэлитистских настроений всех угнетенных: евроскептицизм, который когда-то был маргинальной позицией части британских консерваторов, десятилетиями пестовался таблоидами и политиками вроде Дэвида Кэмерона, который не верил в выход из ЕС, но из своих соображений и карьерных интересов продолжал твердить мантру о плохом Брюсселе. Те же самые аргументы годятся и для ситуации по другую сторону Атлантики. Трамп выиграл не в качестве кандидата-аутсайдера от третьей стороны — популистского движения. У Фараджа были Джонсон и Гоув, а Трамп заручился благословением таких почтенных республиканцев, как Ньют Гингрич (еще один настоящий интеллектуал от консерваторов), Крис Кристи и Руди Джулиани. Верно и то, что многие известные республиканцы воспротивились восхождению миллионера-застройщика. Но партия никогда не исключала его из своих рядов, и узкопартийная позиция — ключевой фактор, объясняющий исход выборов: 90% граждан, считающих себя республиканцами, голосовали за Трампа. Не будет преувеличением сказать, что некоторые из них проголосовали за Трампа, как в свое время американцы голосовали за бизнесмена — «спасителя нации» Росса Перо (его выдвижение кандидатом от третьей партии помогло Биллу Клинтону выиграть в 1992 г.). Еще раз: без Республиканской партии Трамп не стал бы президентом.

Приведем один эмпирический контрпример, который ставит под сомнение всю эту образность домино и волн. В Австрии все предсказывали победу правого популиста Норберта Хофера на выборах в декабре 2016 г., но вместо этого выиграл политик от партии «зеленых» Александер Ван дер Беллен. Этот, казалось

бы, сбой во всемирном популистском тренде содержит в себе ценный урок для Запада. Многие консервативные политики открыто выступили против Хофера, особенно местные мэры и другие провинциальные политики, пользовавшиеся доверием сельской Австрии, которое лидерам «зеленых» из Вены совершенно точно не удалось бы завоевать самим по себе. Раскола между сельским населением, сочувствующим популистам, и городами, приверженными либерализму, — раскола, очевидного в ситуациях с Брекзитом и Трампом, — на самом деле можно избежать. Более того, благодаря кампании Ван дер Беллена множество граждан стали вступать в контакт с людьми, с которыми они обычно не пересекались в своей повседневной жизни. У них даже были листовки с инструкциями, как разговаривать со сторонниками Хофера: например, не переходить в немедленную атаку и не обвинять их в ксенофобии и фашизме. Популизм можно остановить.

Очень важно не зацикливаться чрезмерно на по-

Очень важно не зацикливаться чрезмерно на популистах и радикальных партиях. Нам нужно присматриваться и к другим политикам, в частности, отслеживать, кто из консерваторов готов пойти на сотрудничество. Мы также должны осознавать, что иногда обычные консервативные или христианско-демократические партии превращаются в популистские и тем самым стирают четкую грань между «истеблишментом» и «антиистеблишментом». Орбановская партия «Фидес» не всегда была популистской и не вела кампанию 2010 г. на популистской платформе; только после своего избрания Орбан превратился в убежденного противника либерализма и ЕС и лидера, систематически подрывающего закон и демократические ценности в своей стране. И точно так же партия «Право и справедливость» Ярослава Качиньского на выборах 2015 г. демонстрировала умеренную позицию, но, получив поддержку большинства, тут же обнаружила свое истинное популистское лицо и последовала по стопам Орбана.

Что такое популизм?

Конечно, панацеи от популизма не существует и нет никаких пошаговых инструкций, как победить популистов. Но мы все же не полностью дезориентированы и беспомощны. Убеждайте политиков разговаривать с популистами — но не как популисты. Присматривайтесь к потенциальным союзникам среди консерваторов, пытайтесь отговорить их от сотрудничества с популистами (разумеется, если эти последние перестают быть популистами — т.е. антиплюралистами, — с ними прекрасно можно работать в условиях демократии). Не стоит презрительно сбрасывать со счетов сторонников популистов и называть их «никудышными», как это сделала Хилари Клинтон в сентябре 2016 г. Разговаривайте с людьми, с которыми вы не часто сталкиваетесь; если у вас есть серьезные основания полагать, что они стали жертвами несправедливости, требуйте от вашего правительства и/или вашей партии исправить эту несправедливость.

Вена, январь 2017 г.

ВВЕДЕНИЕ. ВСЕ МЫ — ПОПУЛИСТЫ?

 ${
m H}$ а нашей памяти слово «популизм» во время американской избирательной кампании никогда еще не звучало так часто, как в 2015–2016 гг. «Популистами» называли и Дональда Трампа, и Берни Сандерса. Это термин постоянно использовался в качестве синонима понятия «антиистеблишмент» и, судя по всему, безотносительно к конкретному политическому содержанию. Содержание, в отличие от установки, попросту не принималось в расчет. Этот термин в первую очередь ассоциировался с определенными настроениями и эмоциями: популисты «рассержены», а их сторонники испытывают «разочарование» или «обиду». Такие же утверждения звучат и в адрес европейских политических лидеров и их сторонников: так, например, Марин Ле Пен и Герта Вилдерса обычно называют популистами. Оба этих политика очевидным образом принадлежат к правому крылу. Но, как мы видим в случае с Сандерсом, «левых» бунтарей также регулярно называют популистами: есть еще греческая СИРИЗА — альянс левых сил, пришедший к власти в январе 2015 г., и испанская партия «Подемос», которая, как и СИРИЗА, представляет собой фундаментальную оппозицию политике жесткой экономии, предложенной Ангелой Меркель в качестве ответа на экономический кризис в Европе. Обе они — особенно «Подемос» — подчеркивают, что вдохновляются явлением, которое принято называть «розовой волной»: успехом в Латинской Америке таких популистских лидеров, как Рафаэль Корреа, Эво Моралес и в особенности Уго Чавес. Но что же все-таки общего у всех этих политических деятелей? Если считать, вслед за Ханной Арендт, что политическое суждение — это способность правильно проводить различия, то такое повсеместное смешение правого и левого, когда речь заходит о популизме,

должно ставить нас в тупик. Можно ли в таком случае утверждать, что ставший чрезвычайно популярным диагноз «популизм», распространяющийся на самые разные политические явления, — это сбой политического суждения?

Эта книга начинается с наблюдения, что при всех разговорах о популизме (болгарский политолог Иван Крастев, проницательный аналитик, исследующий устройство современных демократий, даже окрестил наше время «эпохой популизма») далеко не очевидно, о чем же именно мы говорим¹. У нас попросту нет никакой теории популизма, и мы, похоже, не располагаем никакими внятными критериями, которые позволили бы определить, в какой момент политические деятели превращаются в популистов в более или менее строгом смысле этого слова. В конце концов, каждый политик — особенно в странах с демократией, где все зависит от избирателей, — стремится понравиться «народу». Все они стремятся быть понятными для максимально большего числа граждан и чутко улавливать, что думает, а в особенности, что чувствует «простой народ». Может быть, «популист» — это просто успешный политик, который нам не по вкусу? Может, упрек в популизме как раз и является популистским ходом? Или, наконец, может быть, популизм — это «настоящий голос демократии», как утверждал Кристофер Лэш?

Задача этой книги — попытаться понять, что такое популизм и что с ним делать. Я разбираю эту проблему на трех уровнях. Прежде всего, я пытаюсь показать, какого рода политических деятелей следует квалифицировать как популистов. Я утверждаю, что критика элит — необходимое, но не достаточное условие, для того чтобы называться популистом. В противном случае всякий, критикующий текущее положение дел в государстве — не важно где, в Греции, Италии или

¹ Krastev I. The Populist Moment. http://www.eurozine.com/articles/2007-09-18-krastev-en.html (дата обращения 01.03.2012).

США, — по определению будет популистом. Что бы мы ни думали о СИРИЗА, «Движении пяти звезд» Беппе Грилло или Сандерсе, трудно отрицать тот факт, что их атаки на элиты часто вполне оправданны. Кроме того, практически любого кандидата в президенты США можно было бы назвать популистом, если все, что для этого требуется, — это критика правящей элиты: в конце концов, все кандидаты выступают «против Вашингтона».

Помимо того что они против элит, популисты всегда против плюрализма. Популисты утверждают, что понастоящему народ представляют только они. Вспомним, например, как турецкий президент Реджеп Тайип Эрдоган заявил на съезде партии в пику своим многочисленным внутренним критикам: «Мы — народ. А вы кто?» Разумеется, он понимал, что его оппоненты — тоже турки. Такая апелляция к исключительному представительству носит не эмпирический характер, а отчетливо моральный. Во время предвыборной гонки популисты рисуют своих политических соперников черными красками, выставляя их частью аморальной, коррумпированной элиты; придя к власти, они отказываются признавать законность оппозиции. Популистская логика подразумевает, что тот, кто не поддерживает популистскую партию, не является частью народа всегда понимаемого как нравственно чистая и справедливая целостность. Проще говоря, популисты не утверждают: «Мы — это 99%». Они заявляют: «Мы это 100%».

И это уравнение всегда работает для популистов: все, что в него не укладывается, можно списать со счетов как безнравственную группу людей, на самом деле не принадлежащую к народу. Иными словами, популизм — это всегда в той или иной форме политика идентичности непременно будет популистской). Из понимания популизма как разновидности политики идентичности, претендующей на исключительность, следует,

что популизм представляет угрозу для демократии. Ведь демократия подразумевает плюрализм мнений и признание того, что нам нужно найти справедливый способ сосуществования свободных, равных в правах, но отличающихся друг от друга и не сводимых к одной норме граждан. Идея единого, однородного, подлинного народа — не более чем фантазия; как сказал как-то раз философ Юрген Хабермас, «народ» возможен только во множественном числе. И это к тому же фантазия опасная, потому что популисты не просто процветают благодаря конфликту, поощряя поляризацию, — они обращаются со своими политическими оппонентами как с «врагами народа» и стремятся полностью исключить их из общественной жизни.

Это не значит, что все популисты немедленно отправляют своих врагов в ГУЛАГ или возводят стены на государственных границах, но и к безобидной предвыборной риторике или к протесту, который перегорает, как только популист приходит к власти, популизм тоже не сводится. Популисты во власти могут осуществлять популистскую политику. Это противоречит «народной мудрости», согласно которой популистские протестные партии тут же самораспускаются, как только приходят к власти, поскольку сам против себя протестовать не будешь. Популистское правительство отличают три особенности: попытки монополизировать государственный аппарат; коррупция и «массовый клиентелизм» (материальные выгоды или бюрократическое покровительство в обмен на политическую поддержку со стороны граждан, которые становятся «клиентами» популистов); а также систематическое подавление гражданского общества. Конечно же, тем же самым занимаются и многие авторитарные правители. Разница в том, что популисты оправдывают свое поведение, утверждая, что они являются единственными выразителями народных чаяний; это позволяет им вполне открыто признавать свои практики. Это также объясняет, почему изобличения в коррупции обычно крайне редко вредят популистским лидерам (вспомним того же Эрдогана или австрийского правого популиста Йорга Хайдера). С точки зрения их сторонников, «они делают это для нас», т.е. для подлинного народа. Во второй главе книги я показываю, что популисты даже создают конституции (наиболее наглядные примеры — Венесуэла и Венгрия). Вопреки распространенному образу популистского лидера как ничем не ограничиваемого политика, который напрямую обращается к стихийным неорганизованным массам с балкона президентского дворца, в действительности популисты часто стремятся создавать ограничения, пока им приходится считаться с существованием других партий. Конституции же они создают не для того, чтобы сохранить плюрализм, а чтобы его уничтожить.

Третья глава исследует ряд более глубоких причин популизма, в особенности недавние социальноэкономические перемены повсюду на Западе. В ней также ставится вопрос о том, какая реакция на действия популистских политиков и их избирателей может оказаться наиболее эффективной. Я отвергаю как патерналистский либеральный подход, который по сути дела предлагает психотерапию гражданам, «чьи страхи и гнев нужно принять всерьез», так и представление о том, что ведущим политическим деятелям нужно просто копировать популистские программы. Не годится и идея полного исключения популистов из политического диалога, поскольку исключение популистов — это просто зеркальное отражение воли популистов к исключению. В качестве альтернативы я предлагаю ряд особых политических мер, с помощью которых можно было бы дать отпор популистам.

Более четверти века назад один никому не известный чиновник из Госдепартамента опубликовал знаменитую и по большей части неверно истолкованную статью. Автором статьи был Фрэнсис Фукуяма, а называлась она «Конец истории». Давно уже стало хоро-

шим тоном с видом интеллектуального превосходства ронять с ехидной усмешкой, что, мол, с окончанием холодной войны история, очевидно, не закончилась. Но, конечно же, Фукуяма не предсказывал окончание всех конфликтов. Он всего лишь выдвинул утверждение, что на уровне идей у либеральной демократии нет больше соперников. Он признает, что кое-где другие идеологии могут пользоваться поддержкой, но при этом считает, что ни одной из них не будет под силу соперничать с повсеместной привлекательностью либеральной демократии — и рыночного капитализма. Так ли сильно он ошибался? Радикальный исламизм

не представляет серьезной идеологической угрозы либерализму. (Те, кто придумал определение «исламофашизм», демонстрируют скорее ностальгию по четко очерченным линиям фронта в духе холодной войны, нежели понимание современных политических реалий.) То, что сейчас иногда называют «китайской моделью» государственного капитализма, кажется некоторым новой моделью меритократии — по-видимому, главным образом тем, кто считает себя самыми достойными² (например, предпринимателям Кремниевой долины). Эта модель, несомненно, вдохновляет своими достижениями (миллионы людей смогли выбраться из нищеты), особенно в развивающихся странах. И все же «демократия» остается главным политическим призом, и авторитарным правительствам приходится платить огромные суммы лоббистам и пиарщикам, чтобы международные организации и западные элиты признали их в качестве истинных демократий.

Но не все так гладко обстоит с самой демократией. Опасность для сегодняшних демократий заключается вовсе не в наличии идеологических систем, последовательно отрицающих демократические идеалы. Опасность заключается в популизме — деградировав-

² *Bell D.A.* The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015.

шей форме демократии, которая обещает воплотить в жизнь наивысшие демократические идеалы («Править должен народ!»). Иными словами, опасность исходит изнутри демократического мира — политические деятели, представляющие угрозу, говорят на языке демократических ценностей. Тот факт, что в результате мы получаем откровенно антидемократическую форму правления, должен беспокоить всех нас. Он говорит о том, что назрела нужда в тонком и взвешенном политическом суждении, которое позволит нам с большой точностью определить, где кончается демократия и начинаются опасности популизма.

І. Что популисты говорят

« Призрак бродит по Европе, призрак популизма»¹, — писали Гита Ионеску и Эрнест Геллнер в предисловии к сборнику статей о популизме, изданному в 1969 г. В основу сборника положены доклады, прочитанные на большой конференции в Лондонской школе экономики в 1967 г. Целью этой конференции было «дать определение популизму». Как оказалось, ее многочисленные участники так и не смогли прийти к единому мнению. Но чтение докладов выступлений весьма поучительно: трудно отделаться от мысли, что тогда, как и сейчас, всевозможные политические тревоги находили себе выход в разговорах о «популизме», причем само это слово использовалось для определения самых разнообразных феноменов, которые на первый взгляд кажутся взаимоисключающими. Учитывая, что сегодня мы точно так же не можем выработать единую позицию, невольно задаешься вопросом: а тут вообще есть о чем говорить?

В конце 1960-х понятие популизма возникло в контексте дебатов по поводу деколонизации, фантазий на тему будущего «крестьянского движения» и (что сейчас, в начале XXI в., кажется наиболее удивительным) дискуссий об истоках и развитии коммунизма в целом и маоизма в частности. Сегодня, прежде всего в Европе, все тревоги — и в гораздо меньшей степени надежды — вновь сосредоточились вокруг «популизма». В общих чертах дело обстоит так: с одной стороны, либералы обеспокоены тем, как массы, которые, с их точки зрения, стремительно утрачивают симпатии к либерализму, становятся легкой добычей для популизма, национализма и даже откровенной ксе-

¹ *Ionescu G., Gellner E.* Introduction // Populism: Its Meaning and National Character / G. Ionescu, E. Gellner (eds). L.: Weidenfeld & Nicolson, 1969. P. 1.

нофобии. С другой стороны, теоретики демократии озабочены расцветом того, что они называют «либеральной технократией», подразумевая под этим «ответственное управление» (responsible governance) элиты, состоящей из экспертов, которые сознательно не идут навстречу пожеланиям простых граждан². Тогда популизм — это, возможно, то, что голландский со-. циолог Кас Мюдде назвал «нелиберально-демократическим ответом на недемократический либерализм». Популизм в этом смысле не только угроза, но также и возможность внести коррективы в политику, которая слишком оторвалась от «народа»³. Бенджамин Ардити в попытке определить взаимоотношения популизма и демократии предлагает впечатляющий образ. Согласно Ардити, популизм — это пьяный гость на званом ужине, грубиян с ужасными манерами, который «заигрывает с женами других гостей». Но зато спьяну он может выложить всю правду о либеральной демократии, которая забыла, что в основе ее лежит идеал народного суверенитета⁴.

В Соединенных Штатах слово «популизм» ассоциируется преимущественно с представлением о потенциальном конфликте истинно эгалитарной политики левого толка с линией Демократической партии, которая, с точки зрения популистских критиков, стала слишком центристской или, как говорят в Европе, оказалась в руках технократов (хуже того — «плутократов»). Как популистов превозносили (или клеймили) защитников «Мэйн-стрит» против «Уолл-стрит».

² Систематический обзор дилеммы ответственного и безответственного правительства см. в: *Mair P.* Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy. N.Y.: Verso, 2013.

³ Populism in Europe and the Americas: Threat or Corrective for Democracy? / C. Mudde, C. Rovira Kaltwasser (eds). N.Y.: Cambridge University Press, 2013.

⁴ Arditi B. Populism as an Internal Periphery of Democratic Politics // Populism and the Mirror of Democracy / F. Panizza (ed.). L.: Verso. 2005. P. 72–98.

Популистами называют и политиков во власти, таких как мэр Нью-Йорка Билл де Блазио и сенатор от Массачусетса Элизабет Уоррен. В США часто говорят о «либеральном популизме», а вот в Европе такое выражение воспринимается как вопиющее противоречие, поскольку по разные стороны Атлантики в понятия «либерализм» и «популизм» вкладываются разные значения⁵. Как известно, в Северной Америке прилагательное «либеральный» почти синоним прилагательного «социал-демократический», а популизм — это попросту либерализм в его чистом неразбавленном виде. В Европе же популизм не может сочетаться с либерализмом, если под последним понимается уважение к плюрализму мнений и представление о демократии как системе сдержек и противовесов (и в целом ограничений, накладываемых на народную волю).

Мало того что подобная разница в политическом словоупотреблении сама по себе сбивает с толку — дело осложнилось еще больше с появлением новых движений, таких как «Чайная партия» и «Захвати Уолл-стрит». Оба описываются как популистские; дошло даже до того, что предлагалось создать коалицию между правыми и левыми силами, критически настроенными по отношению к мейнстримной политике, где популизм будет общим знаменателем. Эта любопытная симметрия обозначилась также и во время президентской кампании 2016 г., когда СМИ описывали и Дональда Трампа, и Берни Сандерса как популистов, только один был правым, а другой — левым. Общим у них обоих, как нам неустанно твердили, было то, что они «бунтари против истеблишмента», пришедшие

⁵ В последние годы в ряде европейских стран набрал силу популизм определенного толка — во имя либеральных ценностей. Тут можно вспомнить Пима Фортёйна и Герта Вилдерса в Нидерландах. Но это все равно популизм, который просто использует понятия «свобода» и «терпимость» в качестве нравственных маркеров, позволяющих отличать настоящий народ от тех, кто к нему не принадлежит; это не либерализм.

на волне «недовольства», «разочарования» и «обиды» граждан.

Очевидно, что популизм — политически сомнительное, неблагонадежное понятие⁶. Профессиональные политики знают, что стоит на кону в битве за значение этого слова. Так, например, в Европе видные «представители истеблишмента» не упускают случая заклеймить своих оппонентов как популистов. Но некоторые из этих заклейменных пошли в контрнаступление. Они заявляют, что если быть популистом и значит работать на благо народа, то они с гордостью будут носить этот титул. Как нам относиться к подобным заявлениям? И как отличить настоящих популистов от тех, кого просто так называют (а также от тех, кого популистами никто не называет, в том числе они сами, и кто все же по сути — популисты)? Мы столкнулись с самым настоящим концептуальным хаосом, ведь практически кого угодно — левых, правых, демократов, антидемократов, либералов, нелибералов — можно объявить популистами, а сам популизм рассматривается то как друг демократии, то как ее злейший враг.

Как же нам быть? В этой главе я предпринимаю три шага. Во-первых, пытаюсь показать, почему распространенные подходы к пониманию популизма не работают и заводят в тупик. Социально-психологический подход, фокусирующийся на настроениях избирателей, социологический анализ, нацеленный на определенные социальные классы, а также оценка качества политических программ — все это до какой-то степени помогает понять природу популизма, но не позволяет четко очертить границы популизма и показать, в чем его отличие от других феноменов. (Самоописания политических деятелей тоже здесь не годятся: нельзя автоматически стать популистом, только потому что

⁶ Мы не хотим этим сказать, что все относительно. Демократия тоже в высшей степени неоднозначное понятие, вокруг которого ведутся споры, но это не повод отказаться от попыток создания теории демократии.

Конец ознакомительного фрагмента. Приобрести книгу можно в интернет-магазине «Электронный универс» e-Univers.ru